

К трансформации конфликта: обзор современных теорий урегулирования конфликтов

Кордула Рейманн

www.berghof-handbook.net

Civil Society • Conflict Settlement • Conflict Resolution • Crisis Prevention •
Development Cooperation • Human Rights • Humanitarian Assistance • Just Peace •
Multi-Track • Peacebuilding • Peace Constituencies • Peacekeeping • Peacemaking •
Post Conflict Rehabilitation • Civil Society • Conflict Settlement • Conflict Resolution
• Crisis Prevention • Development Cooperation • Human Rights • Humanitarian
Assistance • Just Peace • Multi-Track • Peacebuilding • Peace Constituencies •
Peacekeeping • Peacemaking • Post Conflict Rehabilitation • Civil Society • Conflict
Settlement • Conflict Resolution • Crisis Prevention • Development Cooperation •
Human Rights • Humanitarian Assistance • Just Peace • Multi-Track • Peacebuilding
• Peace Constituencies • Peacekeeping • Peacemaking • Post Conflict Rehabilitation
• Civil Society • Conflict Settlement • Conflict Resolution • Crisis Prevention •
Development Cooperation • Human Rights • Humanitarian Assistance • Just Peace •
Multi-Track • Peacebuilding • Peace Constituencies • Peacekeeping • Peacemaking •
Post Conflict Rehabilitation • Civil Society • Conflict Settlement • Conflict Resolution
• Crisis Prevention • Development Cooperation • Human Rights • Humanitarian
Assistance • Just Peace • Multi-Track • Peacebuilding • Peace Constituencies •

К трансформации конфликта: обзор современных теорий урегулирования конфликтов

Кордула Райманн

1. Введение

Цель настоящей статьи – наметить некий маршрут через дебри неточных концепций и дефиниций, наиболее распространенных при рассмотрении урегулирования и трансформации конфликтов. Моя интерпретация не претендует на исключительность и окончательность, я стремлюсь скорее обратить внимание на те или иные проблемы, чем предложить исчерпывающие решения. Предлагаемый в данной статье анализ отталкивается от вопроса: “Каким образом должна концептуально и теоретически отображаться сфера урегулирования и трансформации конфликтов?” В контексте урегулирования конфликтов этот вопрос рассматривается с трех позиций: прекращение, разрешение и трансформация.

Прежде чем перейти к конкретному анализу, необходимо сделать ряд предварительных замечаний.

Во-первых, вопреки, а может быть, и благодаря междисциплинарному характеру теорий урегулирования конфликтов, концепции и определения в этой сфере грешат множеством неточностей. Такие термины, как *урегулирование*, *разрешение*, *трансформация конфликтов* в академической литературе чаще всего имеют расплывчатый неточный характер и используются взаимозаменяемо. Очень часто они обозначают одни и те же стратегии. Это произошло, в частности, с термином “посредничество”, который стал включать все многообразие форм вмешательства третьей стороны. Одним словом, использование “несогласованной терминологии” (Ropers, 1997. P. 5) стало скорее правилом, чем исключением. Эти неточности в определении ключевых понятий множатся по мере того, как в конфликтах появляются все новые действующие акторы, что становится предметом обсуждения исследователей.

Определение “урегулирование конфликтов” само по себе довольно неудачно, т.к. часто включает такие подходы, как трансформация конфликтов, которая далеко выходит за рамки “логики урегулирования”. Однако в отсутствие лучшего варианта я буду использовать дефиницию “урегулирование конфликтов” как обобщающий термин, не забывая о его смысловой и концептуальной недостаточности.

Во-вторых, большинство признанных ученых в своей работе опирается как на множество теоретических разработок, так и на богатый практический опыт урегулирования. Поэтому их работы трудно считать чисто теоретическими или практическими.

В-третьих, несмотря на комплексность и разнообразие подходов, за последние тридцать лет практически не было попыток создать функциональное пособие, которое обобщало бы достижения в данной сфере, или хотя бы отражало их междисциплинарный характер (одним из немногих исключений можно считать книгу Майалла, Рамсботама и Вудхауса, опубликованную в 1999 г.)

В-четвертых, нужно помнить, что на урегулирование конфликтов на международном уровне большое влияние оказали исследования по их урегулированию на других уровнях общества (включая посредничество в общинах, альтернативное разрешение конфликтов (АРК) и др.). Более того, характеристики большинства затяжных насильственных конфликтов не позволяют провести четкую границу между внутренними (внутригосударственными) и внешними, международными. Затяжные

конфликты настолько продолжительны, что сценарий кризиса обычно как в зеркале отражает социальное и политическое положение различных групп в государстве, вытекающее из их языковых, религиозных, клановых, политических и социальных характеристик. Исходя из этих соображений, можно считать, что предлагаемый ниже анализ затяжных конфликтов на международном уровне в некоторой степени распространяется и на межгрупповые конфликты на других социальных уровнях.

С целью определить его рамки я прежде всего остановлюсь на программе моего исследования и его основных вопросах, а затем перейду к рассмотрению роли теории и методов исследования.

2. Теория и практика урегулирования конфликтов. Программа исследования и исследуемые вопросы

Теорию и практику урегулирования конфликтов лучше всего рассматривать как комплексную область знаний, опирающуюся на ряд различных дисциплин: международное право, психологию, философию, социобиологию, международные отношения, конфликтологию и исследования проблем мира, политологию, экономику и социальную антропологию. При этом в изучении проблем урегулирования конфликта нет доминирующего объекта изучения, что неудивительно, принимая во внимание как масштаб этих проблем, так и то, что конфликты и их урегулирование существуют в любом обществе и от межличностного уровня до международного.

Ранние исследования в этой сфере рассматривали в основном способствующие успешному урегулированию контекстуальные и процессуальные факторы на межличностном, межгрупповом и международном уровнях, такие, как *источники и природа конфликта, характеристики третьих сторон и их стратегии* (см., например, *Bercovitch and Rubin*, 1992. Р. 1–29). Это можно проиллюстрировать, кратко рассмотрев преобладавшие в последние 30 лет взгляды по этим вопросам.

2.1. Источники и природа конфликтов

До последнего времени исследования, посвященные источникам и природе конфликтов, опирались в основном на два онтологические подхода: *субъективистский* и *объективистский*. Субъективистский подход к изучению конфликта ограничивался получаемым представлением о несовместимости целей. Это означало, во-первых, что многие цели субъективно воспринимались как несовместимые, в то время как с объективной точки зрения они могли быть вполне совместимыми. При таком подходе причинами конфликта считались дезинформация, непонимание иной культуры, искаженные восприятия, например, подозрительность или эмоциональный стресс.

Во-вторых, структурная общественная несправедливость или неравноправность взаимоотношений часто не получает признания до тех пор пока, по крайней мере одна сторона, не осознает свою зависимость и неравноправное положение по сравнению с другой стороной. (Это наглядно иллюстрирует феномен так называемого “довольного раба”).

Именно такие ситуации беспокоят представителей объективистского подхода: они стремятся найти причины конфликтов в социальной и политической структуре общества. Главный момент данного подхода состоит в том, что конфликт может существовать независимо от восприятия его сторонами. Пример этому можно найти у занимавшегося вопросами конфликтов и мира Х. Шмида. Он считал, что классовый

конфликт “...является конфликтом не потому, что у разных классов несовместимые цели, и не потому, что они борются друг с другом и ненавидят друг друга, ...[a] потому, что при существующем общественном строе один класс теряет то, что другой приобретает” (Schmid, 1968. P. 226).

Несмотря на эти акценты, различия между субъективистскими и объективистскими подходами не обладают сколько-либо серьезной аналитической ценностью. “Объективный” наблюдатель, называя ту или иную структуру конфликтогенной или насильственной, вопреки восприятию их самими сторонами, предлагает при этом свою субъективную интерпретацию, которая основана на его или ее субъективных ценностях и критериях, определяющих, что считать основными составляющими конфликта. Таким образом, объективистский подход отражает всего лишь “субъективную оценку ситуации ... некоей третьей стороной, а не ее участниками” (Mitchell, 1991. P. 221).

Реалии современных затяжных этнонациональных конфликтов наглядно демонстрируют, что большинство из них целесообразно представлять в виде динамических процессов, включающих как субъективные свойства (идентичность, потребности, интересы), так и предположительно объективные структурные свойства (например, неравноправный доступ к ресурсам). Следовательно, если полагаться только на субъективистский или объективистский подход, многие нюансы конфликта будут упущены. Что касается практики урегулирования конфликтов, то теоретические пробелы между субъективными и объективными подходами могут быть заполнены, пусть даже косвенно, некоторыми используемыми практическими методами и подходами путем сочетания различных стратегий урегулирования конфликтов, таких, как *силовое посредничество* (в рамках разрешения конфликта) и фасилитация семинаров-диалогов. Качество и количество сочетаний этих методов во многом зависят от стадии конфликта, на которой они применяются.

2.2. Характеристики третьих сторон

Непрерывные споры об источниках и природе конфликтов сопровождаются обсуждением как в кругу теоретиков, так и практиков вопроса о том, что представляют собой в конфликте третьи стороны. Особенно актуален вопрос о беспристрастности и нейтралитете третьих сторон. Мнения о том, “в какой мере беспристрастность и нейтральность способны обеспечить и объяснить успех вмешательства третьей стороны”, разделялись в прошлом примерно поровну (см. статью Рона Фишера в настоящем сборнике).

Учитывая природу большинства современных внутрисударственных конфликтов, было бы неправильно рассматривать беспристрастность и пристрастность третьей стороны как взаимоисключающие характеристики; скорее следует признать их двойственную и взаимодополняющую природу.

С одной стороны, может показаться, что *беспристрастность* должна быть основополагающим принципом деятельности третьих сторон, особенно когда у этих сторон нет силовых рычагов воздействия для успешного исхода диспута. Принципа беспристрастности придерживаются, например, в своем неформальном посредничестве квакеры, а также многие частные лица и ученые-практики. С другой стороны, наличие рычагов влияния делает пристрастность ключевым фактором (Kleiboer, 1996. P. 372). В качестве примера достаточно привести США – сверхдержаву, выступавшую в роли третьей стороны в большинстве мирных переговоров на Ближнем Востоке.

Методы урегулирования конфликтов должны избегать также статичности и негибкости; их разработка должна быть динамичной и легко приспособляемой к меняющейся ситуации. Как будет показано далее, все типы вмешательства (будь то фасилитация и примирение или силовое посредничество) должны рассматриваться в конкретном контексте. Эта задача тем более важна и сложна, если принять во внимание сложность трудноразрешимых и имеющих глубокие корни конфликтов, в которых действующие акторы первого, второго и третьего уровней используют разнообразные методы вмешательства. Следующий раздел посвящен именно их деятельности.

2.3. Стратегии третьих сторон

Что мы подразумеваем под терминами “*дипломатия первого уровня*”, “*дипломатия второго уровня*” и совсем недавно появившимся и более всего обсуждаемым – “*дипломатия третьего уровня*”? (табл. 1).

В прошлом внимание исследователей и практиков было сосредоточено на различиях в сущности и объекте деятельности дипломатии первого уровня как стратегии урегулирования конфликтов и действиях дипломатии второго уровня как стратегии их разрешения. Дипломатию первого уровня составляла, главным образом, официальная и формальная деятельность дипломатов и государственных акторов, а к дипломатии второго уровня относили более неформальную и неофициальную работу неправительственных групп.

Дипломатия первого уровня охватывает широкое поле деятельности: от официальных непринудительных мер, таких, как добрые услуги, миссии по установлению фактов, фасилитация, переговоры/посредничество, поддержка мира, до принудительных – таких, как силовое посредничество, санкции, принуждение к миру и арбитраж (см. анализ меняющейся природы поддержки мира в статьях Рона Фишера, и Рамсботама и Вудхауса в данном сборнике).

В отличие от дипломатии первого уровня дипломатия второго уровня включает любые неофициальные и непринудительные виды деятельности, которые часто обозначаются как “фасилитация” или “консультирование” (иногда оба они заменяются более общим термином “посредничество”). Чаще всего эта работа проводится в форме “семинаров по решению проблемы” или обсуждений за “круглыми столами”.

Исходя из вышесказанного, можно было бы предположить, что дипломатии первого и второго уровней используют совершенно разные стратегии. Однако несмотря на то, что их приоритеты отличаются, в большинстве случаев вмешательства дипломатии обоих уровней идут рука об руку, а часто целенаправленно дополняют друг друга. Прекращение конфликта представителями первого уровня (например, через посредничество) на практике часто сопровождается попытками разрешить конфликт представителями второго уровня (например, с помощью фасилитации или консультирования). Некоторые черты обоих подходов не только дополняют друг друга, но и частично совпадают как в теории, так и на практике. Наглядным примером этому могут служить попытки урегулировать конфликт в Северной Ирландии в начале 1990-х годов: Д. Блумфильд приводит пример того, насколько дипломатия первого уровня по прекращению конфликтов, осуществлявшаяся бывшим британским государственным секретарем по делам Северной Ирландии, совпадала с работой, проводимой на втором уровне Советом по межобщинным отношениям (*Bloomfield, 1997*).

Прекращение конфликта отнюдь не является необходимым предварительным условием для его разрешения. Например, опыт показал, что если переговоры на первом уровне зашли в тупик, то в рамках второго уровня можно поддерживать или

наладить неофициальные контакты посредством фасилитации и семинаров по решению проблем, что в дальнейшем поможет преодолеть этот тупик.

В качестве конкретного примера можно привести процесс разрешения израильско-палестинского конфликта, который осуществлялся через скрытые каналы в Норвегии и который в конечном счете привел к разработке основы для разрешения конфликта в форме соглашения между правительством Израиля и PLO, достигнутого в результате переговоров 1993 г. (*Lederach, 1997. P. 32–34; Corbin, 1994*). В ходе этого процесса в 1992 г. один норвежский ученый и его жена предоставили свой дом для проведения секретных переговоров между израильскими и палестинскими официальными лицами, которые имели контакты на высшем уровне, но в то же время были независимыми от него. Этот процесс создал условия для последующих переговоров между израильским правительством и Организацией Освобождения Палестины (ООП), в результате которых в 1993 г. было заключено соглашение по прекращению конфликта.

Достижение относительного сотрудничества между этими враждующими сторонами до фактического начала официальных переговоров не только сыграло значительную роль в достижении успеха, но и наглядно проиллюстрировало ограниченность потенциала изолированных стратегий, таких, как принудительное посредничество или “торг”. Этот случай показывает, что, если полагаться исключительно на дипломатию лишь первого или только второго уровня, большинство стратегий урегулирования конфликтов оказываются малоэффективными.

С начала 1990-х годов в данной сфере стал появляться надлежащий аналитический фокус на взаимосвязь и взаимозависимость явлений, который к настоящему времени превратился в лейтмотив всей сферы исследований. К середине 90-х годов в научной литературе внимание переместилось на подходы урегулирования конфликтов с позиций интеграции и взаимодополняемости. На передний план вышла также необходимость сочетать стратегии прекращения конфликтов со стратегиями разрешения, такие, как посредничество и переговоры с фасилитацией и консультированием (некоторые хорошие примеры этого можно найти в работах: *Glasi, 1982; Fisher, Keashley, 1991; Prein, 1994*).

Принципы такой интеграции и взаимодополняемости не только представляют в новом свете подразделение на дипломатию первого и второго уровней, но и помогают лучше представить сложность современных насильственных конфликтов и миротворческой деятельности. Необходимо более продуманно комбинировать деятельность различных акторов, использующих разные стратегии и мероприятия по урегулированию конфликтов. Эти стратегии должны отражать политические и социальные приоритеты на разных стадиях конфликта и его деэскалации.

Согласно наиболее популярной и широко обсуждаемой “ситуационной модели”, предложенной Р. Фишером и Л. Кишли (*Fisher, Keashley, 1991*), чем сильнее эскалация конфликта, тем более директивной должна быть форма вмешательства. Отсюда следуют два вывода: во-первых, на разных стадиях конфликта разные миротворческие инициативы имеют неодинаковое значение; во-вторых, практики, оценивая прогресс своей миротворческой деятельности, должны быть готовы вернуться к более ранним стратегиям урегулирования. Детальное обсуждение ситуационных моделей, или рассмотрение критических замечаний о таких распространенных предпосылках ее, как однородность сторон конфликта, или строгая хронологическая последовательность стадий эскалации не входит в задачи настоящей статьи. (Более подробное обсуждение этих вопросов можно найти в следующей публикации: *Webb, Koutrakou, Walters, 1996. P. 171–189*).

Принципы интеграции и взаимодополняемости указывают на то, что в свете сложных интересов и потребностей, существующих в конфликте, особую цен-

Таблица 1: Акторы первого, второго и третьего уровней и их стратегии

	Первый уровень	Второй уровень	Третий уровень
Акторы	Политические и военные лидеры, выступающие в роли посредников и/или представителей конфликтующих сторон	Круг акторов, начиная от частных лиц, ученых, экспертов, активистов гражданского общества, предлагающих гражданское посредничество и гражданскую дипломатию, до международных и местных НПО, специализирующихся на разрешении конфликтов	Круг акторов, включая местные организации на низовом уровне, до местных и международных организаций по развитию, организаций по защите прав человека и гуманитарной помощи
Стратегии	<i>Ориентированные на результат:</i> От официальных и принудительных мер (санкции, арбитраж, силовое посредничество) до непринудительных мер (фасилитация, переговоры, посредничество, миссии по установлению фактов и добрые услуги)	<i>Ориентированные на процесс:</i> Неофициальные и непринудительные меры, в основном фасилитация, консультирование в форме семинаров по решению проблем и круглых столов	<i>Ориентированные на процессы и/или структуры:</i> Развитие местного потенциала, исцеление психических травм, тренинги на низовом уровне для местного населения, развитие и защита прав человека

ность представляет синтез различных моделей и концепций, способствующий теоретическим новациям. И действительно, ученые-практики, развивая принцип интеграции и взаимодополняемости, стали говорить о новых уровнях, что привело к появлению “многоуровневого подхода”. Среди таких последних концептуальных нововведений – введение дополнительного уровня – дипломатии третьего уровня. Она включает инициативы, влияние на процессы, осуществляемые акторами на низшем уровне. Под этим понимается вовлечение широких слоев населения путем его практического обучения, развития его потенциала и осознания своих возможностей, исцеления психических травм, знания прав человека, программ развития и гуманитарной помощи. Статья Гюнтера Бехлера в данном сборнике представляет глубокий анализ такого подхода к изменению структур, как проведение государственной реформы. Деление в прошлом только на дипломатию первого и второго уровня не могло отразить богатый спектр миротворческой деятельности в рамках дипломатии третьего уровня, и таким образом все, что не подходило под жесткую двухуровневую классификацию, вообще не учитывалось.

3. Подходы к урегулированию конфликтов: [конкретные] случаи прекращения, разрешения и трансформации конфликтов

Опираясь на данный выше аналитический контекст, мы рассмотрим теперь три разных, но взаимосвязанных подхода к урегулированию конфликтов: прекращение, разрешение и трансформацию. Для правильного понимания этих подходов важно помнить, что они не представляют обособленных, единичных и самодостаточных теоретических систем. Междисциплинарный и разнородный характер ставит под сомнение даже возможность существования изолированных методов. Их скорее следует рассматривать как разновидность веберовских “идеальных типов”. Структурировать данный анализ помогает последовательное рассмотрение различных взглядов в следующих сферах:

- базовая теория;
- источники затяжного насильственного конфликта и ключевые понятия;
- конфликт;
- стороны конфликта;
- используемые стратегии;
- успешный исход (мир).

Анализ теорий помогает выявить глубинные, скрытые теоретические предпосылки всех трех подходов. Поскольку каждый из них по-разному представляет источники затяжных насильственных конфликтов, то каждый предлагает и свое собственное понимание их первопричин.

Я предлагаю использовать аналитический подход, который позволяет избежать проблематичного противопоставления субъективности и объективности. Он может, например, состоять из трех различных, но необязательно взаимоисключающих интерпретаций конфликта:

- как проблемы политического строя, т.е. статус-кво;
- как катализатора социальных перемен;
- как ненасильственной борьбы за социальную справедливость.

Они уходят корнями в фундаментальный сравнительный анализ теорий конфликта, разработанный в социологии такими учеными, как М. Вебер (*Weber*, 1948), Р. Дарендорф (*Dahrendorf*, 1957, 1994), Л. Козер (*Coser*, 1956) и Г. Зиммель (*Simmel*, 1955). Ее дальнейшее развитие стимулировалось недавними социологическими дебатами по поводу критической теории (*Featherstone, Parkin*, 1997; *Featherstone*, 2000), а также теории структурации Э. Гидденса (*Jabri*, 1996).

На основе проделанного анализа мы стремимся показать, что ключевым является вопрос: “С учетом какой именно интерпретации конфликта “работают” различные подходы его урегулирования?”, который основан на предпосылке, что каждая интерпретация конфликта прямо и косвенно влияет на самосознание и идеологические позиции исследователей. Интерпретация конфликта как проблемы политического строя предполагает довольно консервативные, направленные на поддержание статус-кво, или в лучшем случае, терапевтические подходы к его урегулированию. Напротив, подходы, которые видят в конфликте катализатор социальных перемен или ненасильственную борьбу за социальную справедливость, предлагают более радикальные методы, ориентированные на трансформацию конфликта.

Это вовсе не означает, что один подход лучше другого. Скорее, все три интерпретации ставят важные для урегулирования конфликтов, но сформулированные с разных позиций цели. Тем не менее я хотела бы утверждать, что для трансформации конфликта и установления устойчивого мира у нас в арсенале должны оставаться

ся все три подхода. Например, если подход, ориентированный на *статус-кво*, упустит из виду возможность коренным образом изменить несправедливые отношения в обществе, то он рискует косвенно усугубить жесткие и неравноправные социальные условия (Clements, 1998. P. 138). С другой стороны, подход, который стремится к радикальному преобразованию общества и игнорирует необходимость сохранять общественный порядок и преемственность, скорее всего приведет лишь к анархии.

Существуют не только различия между акторами и стратегиями первого, второго и третьего уровней и их характеристиками, но существует и сходство этих стратегий. Кроме того, если интерпретации успеха подразумевают разные исходные критерии оценки, то какие у нас основания считать те или иные подходы по урегулированию конфликтов успешными?

Анализ трех подходов оказывается в конце концов отнюдь не простой, а весьма комплексной задачей. Это обусловлено тем, что большинство специалистов в данной области по-прежнему отказываются открыто обсуждать теоретические предпосылки, на которые они опираются в анализе вышеперечисленных вопросов. Хотя мало кто из них открыто упоминает в своих работах об этих предпосылках, все они используют в качестве основы разные, если не всегда взаимоисключающие теории конфликта.

3.1. Модель прекращения конфликтов

Прекращение конфликтов охватывает все стратегии, которые ориентированы на устойчивое решение выиграть-выиграть и/или остановить прямое насилие, но не обязательно при этом устранить первопричины конфликта. Исследования этого подхода можно найти, в частности, у Дж. Берковича (Bercovitch, 1984, 1996), У. Зартмана (Zartman, 1985, 1995), а также Р. Фишера и У. Юри (Fisher, Ury, 1981) в программе по переговорам Гарвардского университета.

Опираясь на идеологию урегулирования, большинство исследований по прекращению конфликтов определяет его как проблему политического порядка и *статус-кво*. Затяжные насильственные конфликты рассматриваются как следствие несовместимости интересов и борьбы за ограниченные ресурсы (такие, как территория), которые служат источником власти.

Хотя и это определение предполагает, что конфликт представляет собой “игру с нулевым результатом”, прекращение конфликтов не обязательно должно ему следовать. В зависимости от конкретных интересов сторон конфликта и стадии эскалации, прекращение может выйти за рамки “игры с нулевым результатом” и достичь положительного результата. Эта точка зрения ясно иллюстрируется реалистическими моделями с рациональными игроками, а также исследованиями по теории игр, которые развиваются в работах соответственно Берковича и Зартмана, Юри и Фишера (см. также: *Brams*, 1990).

Поскольку в практике прекращения конфликтов применяются как теория рационального выбора, так и теория игр, то политические и военные лидеры, будучи основными акторами, находящимися на всеобщем обозрении, рассматриваются прежде всего как рациональные деятели. Предполагается, что они будут просчитывать свои интересы и в конце концов станут сотрудничать друг с другом для достижения рациональной и взаимовыгодной цели. Поэтому обе теории стремятся выработать оптимальную стратегию для взаимодействия акторов в условиях неопределенности.

Моделирование по теории игр, основанное на предпосылке о рациональности устремлений акторов, стремится продемонстрировать, что эгоистичная (реалисти-

ческая) политика властей может на самом деле приводить к взаимному удовлетворению интересов и к оптимальному удовлетворению различающихся эгоистичных потребностей. Другими словами, концепция прекращения конфликтов может быть представлена как игра с позитивным результатом, в которой одна сторона выигрывает не обязательно за счет другой. Поэтому интегративный и распределительный торг, основанный на поведенческих моделях рационального выбора, выгоден для обеих сторон конфликта (Bennett, 1996. Р. 157–184). Дистрибутивный подход обычно ассоциируется с переговорами с нулевым результатом, в то время как интегративный подход исходит из предположения, что у сторон есть некая общая проблема, которую они стремятся решить с не нулевым (или положительным) результатом.

Кроме того, в прекращении конфликтов особое значение придается тому, чтобы обе стороны адекватно оценивали контекст, и особенно различия между позициями и интересами: первые представляют собой внешнюю и временную точку зрения, а вторые отражают фундаментальные и долгосрочные ставки каждой из сторон в процессе переговоров.

Бытует мнение, что при прекращении конфликтов, позиции, в отличие от интересов, в целом не подлежат обсуждению. Но тогда совместимость реальных интересов каждой из сторон в еще большей степени влияет на психологические аспекты их точек зрения.

Значительный объем исследований по прекращению конфликтов посвящен таким характеристикам и стратегиям третьих сторон, которые меняли бы исход урегулирования конфликтов с нулевого на не нулевой, и тем самым прекращали бы насилие и создавали условия для заключения политического соглашения.

Основные акторы в подходе – это военные, политические и религиозные лидеры и все те, кто принимает решения на первом уровне. Их стратегии варьируются от непринудительных официальных мер, таких, как добрые услуги, миссии по установлению фактов, фасилитация, переговоры и посредничество, до принудительных мер, включающих силовое посредничество, санкции и арбитраж (см. выше). Принудительные стратегии прекращения обычно свидетельствуют о том, что вмешательство третьих сторон будет краткосрочным, в то время как непринудительные меры, такие, как фасилитация, миссии по установлению фактов и добрые услуги, обычно предпринимаются на долгосрочную перспективу.

Ориентация на прямое насилие с его негативными и деструктивными последствиями свидетельствует о стремлении достичь результата. Можно лишь надеяться, что развитие этого подхода не остановится на прекращении военных действий, а добьется долговременных политических соглашений. В целом стратегии прекращения конфликтов опираются на относительно ограниченное понимание “успеха” и “мира”, и успех определяется как решение выиграть-выиграть, а “мир” – лишь как “негативный” мир, поскольку данный подход не ставит перед собой четкой задачи достичь более долгосрочного “позитивного мира”, т.е. социальной справедливости.

3.2. Модель разрешения конфликтов

Разрешение конфликтов предполагает деятельность, целью которой ставится устранение причин прямого культурного и структурного насилия. Под структурным насилием понимаются социальные, политические и экономические характеристики конфликтной ситуации, воспроизводящие несправедливое распределение власти, господство и зависимость; под культурным насилием подразумевается социальное и культурное узаконивание прямого и структурного насилия. Подход к разрешению

конфликтов многим обязан исследовательской и практической работе Дж. Бертона, которая здесь будет рассмотрена более подробно. Необходимо упомянуть и некоторых других ученых, работающих в этой области, в частности, Г. Келмана, Р. Фишера и Л. Крисберга.

С целью преодоления заведомо проигрышной динамики подходов с нулевым результатом теории и практики опираются на теорию игр и предлагают новый взгляд на конфликт как на общую проблему, для которой можно найти взаимоприемлемые решения. Так, Дж. Бертон, чтобы показать, что большинство межгосударственных конфликтов возникает в результате неадекватных решений, использовал модели из теории игр, кибернетики и теории систем (*Burton, 1968*). В отличие от подхода урегулирования, разрешение конфликтов считает затяжные конфликты естественным следствием неудовлетворенных человеческих потребностей, т.е., что источником затяжного конфликта служат базовые потребности его участников (например, в идентичности, безопасности и справедливости распределения).

Такое понимание конфликта сложилось под влиянием идей “подхода мирового общества” и “теории человеческих потребностей”, разработанных Бертоном. Эта теория постулирует универсальное стремление к удовлетворению базовых и жизненных потребностей, таких, как безопасность, идентичность, признание, пища, кров, защита, представительство, справедливое распределение и развитие (*Burton, 1990*). Исходя из этого, модель разрешения конфликта не стремится искоренить конфликты как таковые, признавая при этом, что их ненасильственная разновидность играет важную роль катализатора социальных перемен. Следовательно, целью разрешения конфликта становится устранение насильственных и деструктивных форм его проявлений, корни которых уходят в опасения и неудовлетворенные потребности конфликтующих сторон. Основная задача в этом случае – помочь сторонам осознать свои базовые потребности в идентичности, безопасности и участии, а затем использовать это для переоценки своих интересов и позиций.

Хотя Бертон не поясняет, могут ли все потребности быть удовлетворены одновременно (и при каких условиях) или являются ли одни из них более важными, чем другие, он призывает практиков углублять и расширять анализ конфликтов, чтобы лучше понять потребности и их соотношение. Из вышеизложенного следует два вывода:

– во-первых, анализ конфликта, в котором потребности занимают центральную позицию, показывает, что нужны стратегии, выходящие далеко за рамки стратегии прекращения конфликтов с ее ориентацией на конкретные результаты и акцентом на интересы. Ведь потребности и опасения, в отличие от интересов, не подлежат обсуждению. Наряду с другими учеными, Бертон предлагает стратегии, ориентированные на процессы и взаимоотношения и представляющие собой непринудительную неофициальную деятельность (второго уровня), примером которой могут служить фасилитация и консультирование в рамках контролируемого общения, семинаров по решению проблем и “круглых столов”. Фасилитация и консультирование при таком подходе представляют собой помощь, которую третья сторона оказывает сторонам конфликта в поиске творческих решений через общение лицом к лицу и углубленный анализ конфликта;

– во-вторых, детальный анализ конфликта и расширение стратегий требует привлечения новых акторов. Это могут быть организации гражданского общества, учебные, научные учреждения, разнообразные группы “гражданского посредничества” и “гражданской дипломатии”, включая местные и международные НПО, специализирующиеся на разрешении конфликтов (второй уровень).

В то время как большинство стратегий (например, серии семинаров по решению проблем) представляет собой среднесрочные формы вмешательства, страте-

гию поддержания и углубления диалога можно рассматривать как краткосрочное вмешательство. Успешным результатом для урегулирования конфликта можно считать уже выявление существенных общих интересов и потребностей, достигнутое посредством налаживания сотрудничества и контактов между сторонами. Согласно подходу Бертона, основанному на человеческих потребностях, любой успешный результат должен хотя бы минимально удовлетворять потребности обеих сторон.

3.3. Модель трансформации конфликтов

Термин трансформация конфликтов употребляется для обозначения долгосрочной миротворческой деятельности, которая уделяет равное внимание результатам, процессам и структурам и которая ставит целью устранить все формы прямого культурного и структурного насилия. Среди наиболее известных ученых-практиков в этой области можно выделить Дж.П. Ледераха (*Lederach*, 1995, 1997), А. Кёрла (*Curle*, 1971) и Й. Галтунга (*Galtung*, 1996).

Трансформация конфликтов ставит перед собой более общие цели, чем оба вышеназванных подхода, но в то же время заимствует многие идеи разрешения конфликтов, в частности, понятие “провенции¹ конфликтов” Дж. Бертона. “Провенция означает, что из адекватного объяснения феномена конфликта (включающего и человеческие факторы) дедуктивно выводятся не только условия, присущие конфликтной среде, и структурные изменения, необходимые для устранения конфликта, но, что более важно, и условия, способствующие развитию сотрудничества”. (*Burton, Dukes*, 1990. P. 2).

Бертон подразумевал в первую очередь “горизонтальные” взаимоотношения, т.е. диалог и сотрудничество (например, в рамках семинаров по решению проблем второго уровня) действующих акторов или конфликтующих сторон, обладающих относительно равным статусом (*Lederach*, 1999. P. 29–30). Однако модель разрешения конфликтов упускает возможность наладить и укрепить “вертикальные” взаимоотношения, при которых диалог и сотрудничество развиваются между сторонами с неравным статусом, например, между высокопоставленными чиновниками первого уровня и местными лидерами третьего уровня. Именно эта возможность реализуется в модели трансформации конфликтов, и вопрос стоит в центре ее внимания, особенно в работах Ледераха (*Ibid*. P. 30–31). Аналитическое и практическое смещение объекта внимания основано на следующих предположениях:

– во-первых, если исходить из концепции удовлетворения потребностей Бертона, стратегии трансформации должны включать в миротворческий процесс акторов третьего уровня, т.к. именно они имеют дело с жертвами насильственного конфликта (*Lederach*, 1995; 1997). Ведь если базовые потребности не получают должного внимания, это подталкивает стороны к ненависти и глубоко укореняющемуся насилию;

– во-вторых, логика включения акторов третьего уровня и их стратегий существенно отличается от логики урегулирования конфликтов. Стратегии третьего уровня основаны на логике осознания своих возможностей (на местном уровне). Кроме того, они, работающие “от низов к верхам”, имеют целью поддержать или даже инициировать борьбу за социальную справедливость на местах и, следовательно, направлены на радикальные структурные изменения.

¹ Англ. *provention* в противоположность общеупотребительному *prevention* – “предотвращение”. Прим. перев.

Эти построения основаны на предположении, что местные общины уже обладают потенциалом мирного строительства, уходящего корнями в традиционную культуру. Поэтому нельзя (да и невозможно) просто перенести методы урегулирования конфликтов из одного общества в другое. Это продемонстрировало бы недостаточное знание культурного наследия и ресурсов для работы в контексте иного общества (*Lederach, 1995*). Чтобы поддержать и продолжить борьбу, которая ведется на местном уровне, необходимо знать, какими способами данное общество традиционно улаживало конфликты. В качестве примера можно привести общественный институт старейшин в Сомали, при котором старейшины, будучи членами клана, своим авторитетом способны заставить конфликтующие стороны уладить конфликт и признать соглашение.

Деятельность третьего уровня в широком смысле лучше всего рассматривать в рамках учения о ненасильственных действиях, в разработку которого внесли вклад Дж. Шарп (*Sharp, 1973*), Махатма Ганди (*Ghandi, 1938, 1950*) и М.Л. Кинг (*King, 1963*). Вне зависимости от своей религиозной принадлежности и политических взглядов все они рассматривали конфликт как ненасильственную борьбу за социальную справедливость.

“Ненасильственные действия выводят на поверхность существующие, но при этом отрицаемые и закамуфлированные напряжение и противоречия”, – писали Маккарти и Шарп (*McCarthy, Sharp, 1997*. Р. XVI). Скрытые конфликты начинают проявляться в ситуации “конструктивной ненасильственной напряженности”, вызванной “народной властью” (*Ibid*). Чтобы освободиться от эксплуатации и подавления, группы, лишенные социальных или политических прав, могут воспользоваться ненасильственными методами борьбы. Это и есть “народная власть”, которая может проявляться в виде демонстраций, забастовок и отказа от сотрудничества, до (экономических) бойкотов, или же обучения ненасилию.

В трактовке трансформации затяжные насильственные конфликты рассматриваются прежде всего как следствия неравноправных и авторитарных социальных и политических структур. Следовательно, чтобы их разрешить, необходимо повышать осознание группами своих прав и помогать им добиться признания. На местном уровне только ненасильственные действия способны решить неотложные проблемы, а также оказать давление на акторов первого (и второго) уровня, чтобы они прекратили военные действия и сосредоточили свои усилия на переговорах.

В качестве примера можно вновь привести ситуацию в Сомали в первой половине 1990-х годов (*Lederach, 1997*. Р. 52–53). Работа по принципу от низов к верхам началась там с серии обсуждений и соглашений о том, что нужно сделать для прекращения войны. Это происходило на местных конференциях по проблемам мира, где собирались представители различных кланов и родов. Организаторы конференций старались приглашать таких участников, которые имели бы полномочия представлять интересы и опасения своего клана и, следовательно, акцентировать внимание на безотлагательных задачах местного масштаба. После того, как на этих местных конференциях заключались соглашения, аналогичный процесс принятия решений повторялся на более высоком уровне, где круг участвующих кланов расширялся.

Представители первого и второго уровней склонны считать гражданское население и его широкие массы в прекращении и разрешении конфликтов пассивными и действовать исходя из этого. Сами же представители третьего уровня, напротив, придают первостепенное значение их роли и потенциалу в ненасильственной борьбе. Поэтому в отличие от разрешения и урегулирования трансформация конфликтов являет собой нечто большее, чем просто результат вмешательства третьих сторон.

Не вызывает сомнений, что ни первый, ни второй уровень (ни даже оба вместе взятые) не способны полно и исчерпывающе отразить те комплексные и динамичные инициативы установления мира, которые требуются в современных насильственных конфликтах. Следовательно, во-первых, в процессах построения мира должны использоваться стратегии третьего уровня, а во-вторых, практикам следует налаживать связь между деятельностью и стратегиями на всех трех уровнях, поскольку только такое взаимодействие позволяет развивать местный мирный потенциал и заключать стратегические альянсы между акторами на местном, государственном и международном уровнях.

Это в свою очередь говорит о том, что стратегии всех трех уровней должны рассматриваться как интегративные и взаимодополняющие, и все три формы вмешательства в конфликт достойны занимать подобающее место на разных стадиях его развития. Так, деятельность второго и третьего уровней может дополнять дипломатию первого уровня, не представляя при этом панацеи или хотя бы замены в случае провала стратегий первого уровня. Здесь будет уместно еще раз привести как пример норвежскую пару, которая предоставила свой дом для мирных переговоров между израильтянами и палестинцами. Их вклад заключался в том, что они подготовили почву для формальных переговоров, но это ни в коем случае не подменяло необходимости достичь согласия между сторонами по принципиальным вопросам (*Lederach*, 1997. P. 34).

Возможно, стратегии первого уровня не предназначены для решения проблем долгосрочного примирения и социальной справедливости. Наряду с этим деятельность на третьем уровне, хотя и помогает выполнить эти серьезные задачи, ее эффективность может оказаться минимальной или даже нулевой, если она не будет сопровождаться структурными изменениями на первом уровне, такими, как законодательное оформление прав меньшинств, создание условий для реализации этих прав, разделение власти и автономия, что позволило бы преодолеть этнические разногласия. Это основано на установке, что если полагаться лишь на один (практический или теоретический) подход к урегулированию конфликтов, то попытки распутать клубок противоречивых причин и следствий, которые присутствуют в затяжных конфликтах, будут обречены на провал.

Из сказанного следует, что нужно пытаться интегрировать и синтезировать деятельность первого, второго и третьего уровней не только в практической, но и в теоретической сфере. Однако до последнего времени исследователи в сфере урегулирования конфликтов не предпринимали целенаправленных попыток объединения разных теоретических подходов, будь то теория игр, человеческих потребностей или ненасилия (даже если и пытались, то не заявляли об этом открыто).

Это обусловлено несколькими причинами. Во-первых, прекращение конфликтов с акцентом на логику урегулирования вызывает ассоциации с реалистичной или силовой политикой, которая к настоящему времени в значительной степени дискредитировала себя. Именно в ранних работах по урегулированию конфликтов их авторы подчеркивали больше различия, а не сходства между разными теоретическими школами, как это было с противопоставлением подходов урегулирования и разрешения конфликтов. Вообще довольно долго в данной сфере проявлялась укоренившаяся дихотомия мышления: объективистская интерпретация конфликтов против субъективистской или же стратегии прекращения конфликтов против стратегий разрешения.

Но, как уже отмечено, те исследователи, которые занимались теорией разрешения конфликтов и использовали метод семинаров по решению проблем, обычно пользовались иными аналитическими рамками (такими, как регистрация потребностей и опасений), нежели те, кто специализировался на подходе прекращения конфликтов с акцентом на интересы и модели рационального выбора (*Clements*, 1998).

Р. 136). Последняя и наиболее распространенная причина несоответствия между подходами заключается в том, что многие ученые не декларировали, на какие установки они опираются в своей работе, и следовательно, не определяли теоретической базы своей аргументации.

Если подходить к трансформации конфликтов как к концептуальному и практическому развитию и функциональному комбинированию более ранних моделей, то целесообразно искать оптимальное сочетание разных теорий, будь то теория игр, рационального выбора, человеческих потребностей или ненасильственных действий. Например, семинары по решению проблем почерпнули множество идей у практиков ненасилия – Ганди, Кинга и Шарпа, – каждый из которых подчеркивал, что необходимо уважать противника и стремиться к взаимовыгодному исходу (*Mitchell*, 1981. Р. 71–86). Взаимовыгодный исход в свою очередь представляет одну из основных концепций и целей большинства подходов в теории игр.

Другими словами, если взаимодополняемость является ключевым понятием всей сферы урегулирования конфликтов, необходимость которой никем не оспаривается, то она должна обладать также теоретическим характером и вести к взаимному обогащению и стратегическому союзу между теорией игр, теорией человеческих потребностей и практикой ненасилия. Синтез идей этих теорий должен опираться на тройственное понимание природы конфликта.

Трансформация рассматривает конфликт не только как элемент политического контроля и катализатора социальных перемен, но и как естественное проявление ненасильственной борьбы за социальную справедливость. Он играет в этом случае двойную роль – агента социального контроля и агента социальных перемен. (*Clements*, 1998. Р. 138).

Но трансформация конфликта этим не ограничивается. Она предлагает фундаментально переосмыслить противопоставление понятий разрешения и прекращения конфликтов. Выдвигая на первый план вопрос социальной справедливости, трансформация отвергает традиционную цель урегулирования, т.е. восстановление *статус-кво*, а вместо этого развивает понятие конфликта как позитивного агента социальных перемен.

Трансформация конфликтов – это гибкий, долгосрочный, многоуровневый и динамичный процесс, который вовлекает намного больше акторов, чем предыдущие подходы. Этот подход стремится с пользой сочетать деятельность первого, второго и третьего уровней в рамках краткосрочных, среднесрочных и долгосрочных вмешательств. Поэтому он способен ввести в действие широкий круг участников, включая официальных, военных и политических лидеров (первый уровень); независимых экспертов, местных и международных НПО, специализирующихся на разрешении конфликтов (второй уровень); широкие массы, местные НПО, сотрудничающие в сфере развития и гуманитарной помощи (третий уровень). Комплексный подход не может и не должен сводиться к ярлыку “построения мира на низшем уровне”. Его тройственная интерпретация конфликта предполагает соответственно и трехстороннее определение успеха, которое охватывает результаты, процессы и/или изменения.

Что касается результатов, то трансформация конфликтов ставит целью разрешить проблемы, вытекающие из потребностей и опасений конфликтующих сторон. Это означает, что необходимы два подхода: первый, который ориентировался бы на процесс и основное внимание уделял изменению негативных отношений и ценностей сторон и в итоге налаживал общение и сотрудничество между ними. Второй, ориентированный на изменения, подход подчеркивает политическое значение создания новых структур, которые признавали бы непривилегированные группы и повышали их самостоятельность, развивая и укрепляя таким образом социальную

справедливость. Из этого следует, что недостаточно удовлетворять базовые потребности на личном и межличностном уровне. Практики должны помогать группам достичь и обеспечить равноправный доступ к ресурсам и создать такую инфраструктуру, которая решала бы проблемы структурного неравноправия, что в долгосрочной перспективе должно привести к переустройству общества и примирению.

Определить успешность результата в контексте трансформации труднее, чем при менее сложных подходах прекращения и разрешения, поскольку трансформация включает понятие “положительного” мира. По мере устранения разных форм структурного и культурного насилия необходимо постепенно отказываться и от понятия “негативный мир”. В условиях современных затяжных конфликтов это означает, что программой-минимум должна стать трансформация как причин, так и следствий социальных отношений и структур.

4. Роль теории и методов исследования

Сфера урегулирования конфликтов в целом и три рассмотренных выше подхода в частности охватывают лишь несколько небольших островков теории. Так, в отличие от недавних дискуссий в сфере международных отношений, в аналитическом подходе к урегулированию конфликтов еще не создано солидной теоретической базы, особенно там, где это касается онтологических и эпистемологических вопросов, таких, как цель научных изысканий, используемая методология и обоснование знания.

Я постараюсь привести примеры, подтверждающие эту довольно резкую критику. Самоочевидно, что теоретическое развитие того или иного подхода к урегулированию непременно должно опираться на конкретную теорию конфликта. Следовательно, теоретизирование должно начинаться с анализа идей, лежащих в основе наших представлений о насильственных конфликтах. Это должно привести к пониманию, что разные представления не ограничиваются теорией, а имеют разные последствия для теории и практики урегулирования и трансформации конфликтов.

К сожалению, анализ литературы по этому вопросу подтверждает, что большинству подходов и стратегий не хватает опоры на всестороннее и однозначное теоретическое осмысление конфликта (*Scimecca*, 1993. Р. 211–221). Создается впечатление, что, как констатируют Дж. Уолл и А. Линн, практика в данной сфере “значительно опередила развитие теории” (*Wall, Lynn*, 1993. Р. 182). Дж. Шимека также пишет, что до сих пор “не было предложено теоретического обоснования того, [кто], когда, и почему должен применять те или иные методы вмешательства в конфликт” (*Scimecca*, 1993. Р. 217). Неудивительно, что большинство исследований не имеет систематической теоретической основы (исключением можно считать сравнительное изучение конкретных примеров в работах С.Дж. Штедмана и Т. Принсена, для чего, по словам авторов, были выработаны определенные теоретические рамки) (*Stedman*, 1991; *Princen*, 1992).

Именно вследствие такой ситуации Дж. Шимека приводит аргументы в пользу разработки теоретической основы, уходящей корнями в социологию Макса Вебера (*Weber*, 1948). Он утверждает, что веберовская теория конфликта хорошо подходит на роль единой комплексной основы как для практики, так и для теории разных подходов в сфере урегулирования конфликта. Таким образом, Дж. Шимека затрагивает проблему теоретических пробелов в этой сфере и отсутствия последовательной теории конфликта, хотя большинство ученых и практиков поставили бы под сомнение ту исключительную роль, которую он отводит социологии Вебера.

Однако основное значение имеет то обстоятельство, что большинство реалий теории и практики урегулирования конфликта фактически оказываются навязан-

ными имплицитными теориями конфликта (такими, как вышеупомянутое разделение на объективистское и субъективистское понимание конфликта). Создается впечатление, что эти реалии продолжают существовать, несмотря на то, что теоретические рамки остаются ограниченными. В итоге в сфере урегулирования конфликта теория сводится к анализу чужого или личного опыта с точки зрения причинно-следственной логики и предложению тех или иных политических рекомендаций.

Лучшим тестом для теории является ее практическая применимость в направлении и формулировке политики в решении обозначенных задач, таких, как прекращение насильственного конфликта. Часто можно услышать мнение, что если приоритетом служит практическое урегулирование конфликта (т.е. реальная жизнь за окном), то зачем ученому-практику вообще нужна теория? Такая позиция – не считая всего прочего – демонстрирует весьма ограниченное понимание роли теории в урегулировании конфликтов, т.к. большинство исследований в этой области так или иначе “опытным путем” приходит к использованию (хотя и имплицитному, а не декларированному) неких теоретических предпосылок.

Следовательно, для ученых и практиков теория должна стать инструментом, который поможет им лучше описывать, анализировать, а иногда и прогнозировать реальный мир. В зависимости от характеристик и стратегий третьих сторон и поведения самих участников конфликта, он будет определяться и ограничиваться такими факторами вмешательства, как ресурсы, которыми располагает третья сторона – будь то ее способность оказывать давление или вознаграждать или же ее компетентность (*Bercovitch, Rubin, 1992. P. 10–21*).

Если подходить к теории с этих позиций, то можно выделить по крайней мере четыре различных метода, которые помогут сфере урегулирования преодолеть пропасть между теорией, исследованиями и практикой (*Fisher, 1997; Zartman, Rasmussen, 1997. P. 263*).

Такие исследователи, как С. Штедман (*Stedman, 1991*), Дж. Беркович и Б. Рубин (*Bercovitch, Rubin, 1992; Rubin, 1981*), Т. Принсен (*Princen, 1992*), В. Зартман (*Zartman, 1985*) и В. Жабри (*Jabri, 1990*), в своих работах использовали сравнительное, описательное и эмпирическое документирование безуспешных или успешных примеров урегулирования конфликтов, которые можно также найти в “Журнале по переговорам” (*Negotiation Journal*) и “Международные переговоры” (*International Negotiation*). Однако и у вышеупомянутых авторов систематический и теоретически обоснованный анализ конкретных случаев представляет скорее исключение, чем правило.

С другой стороны, такие ученые, как Дж. Беркович и Р. Уэллс (*Bercovitch, Wells, 1993*), а также М. Николсон (*Nicholson, 1992*), ставят перед собой цель выявить и описать не столько примеры, сколько закономерности и взаимосвязи или даже причины эффективного урегулирования конфликтов. Они индуктивно создают теории, используя количественные методы для формулирования и проверки гипотез, например относительно контекстуальных факторов посредничества (таких, как характеристики сторон или идентичность и ранг посредников). Такого рода исследования либо принимают форму крупномасштабных систематических учений об эффективном урегулировании конфликтов, как книга Дж. Берковича, либо предлагают экспериментальные, лабораторные подходы к вмешательству третьей стороны, как в исследованиях Б. Рубина (*Rubin, 1980*). Именно от полномасштабных систематических учений чаще всего ожидают идей и рекомендаций, которые политические деятели могли бы применять в разработке стратегических направлений (*Bercovitch, 1997; Zartman, Rasmussen, 1997. P. 133*).

Работы таких ученых, как Р. Фишер и У. Юри (*Fisher, Ury, 1981*), а также Дж. Бертона (в особенности его ранние работы 1969 г.), уступая в эмпирических качествах, используют скорее описательный стиль со множеством примеров из жизни

и рецептов. Этот подход можно обозначить как индуктивное теоретизирование; его приверженцы предлагают "...ряд методов и процессов, выбор которых зависит от индивидуальной компетентности и опыта того или иного практика" (*Scimecca*, 1993. P. 214). Большинство этих методов опираются на статичные модели, представляющие собой "...индуктивные описания ключевых компонентов практической деятельности, дополненные рецептами по вмешательству" (*Fisher*, 1997; *Zartman*, *Rasmussen*, 1997. P. 261). Наглядным примером такого подхода может служить деятельность Гарвардского проекта по переговорам.

М. Клейбер подчеркивает, что между эмпирическими данными и интуитивными предположениями в области урегулирования конфликтов проходит тонкая грань, и указывает на то, что "[большинство] исследований жаждет продемонстрировать, что представляют собой убедительные свидетельства, а на поверку оказываются лишь собранием недоказанных догадок, мнений и случайных наблюдений" (*Kleiboer*, 1996. P. 376). Действительно, многие идеи Фишера и Юри (*Fisher*, *Ury*, 1981; *Ury*, 1991) и Бертона (*Burton*, 1987) изложены в популярных пособиях, справочниках или "книгах рецептов", предлагающих рекомендации и упражнения по навыкам урегулирования конфликтов (*Mitchell*, 1993. P. 83).

Нет единого мнения о том, например, что представляют собой упражнения, предложенные Бертоном и другими авторами в рамках методологии семинаров по решению проблем. Представляют ли они попытку индуктивного теоретизирования по поводу идей и гипотез о конфликтах и методах их разрешения (см., в частности, *Fisher*, 1997b. P. 256; *Hill*, 1982)? Или же являются попыткой дедуктивного теоретизирования, т.е. обобщения знаний о конфликтах и их разрешении, которое опирается на более общую теорию человеческих потребностей (см., в частности, *Fetherstone* "The Problem-Solving Workshop in Conflict resolution", *Woodhouse*, 1991. P. 252–255)? Возможно, эту неясность, даже противоречивость, типичную для литературы по урегулированию конфликтов, можно объяснить тотальной двусмысленностью и неточностью определений в работах Бертона, или по крайней мере обобщениями, основанными на избирательном изучении его работ, которые сами по себе довольно расплывчаты.

Тем не менее, анализ упражнений из семинаров по решению проблем, предложенных Бертоном (*Burton*, 1969, 1972) и Фишером (*Fisher*, 1983), выявляет еще одну, более общую и не менее серьезную проблему: большинство исследований по этим семинарам как бы одновременно дедуцирует и индуцирует гипотезы. Это неудивительно, если вспомнить, что первоначальный энтузиазм ученых по поводу потенциала этих семинаров для генерирования теорий так и не привел к систематической проверке этих теорий (*Mitchell*, 1993. P. 89–90).

Некоторые ученые выбрали путь индуктивного теоретизирования, например, под влиянием "практической теории" (*Weiss*, 1999) или антропологии и этнографии (*Wolfe*, *Honggang*, 1996). В качественных исследованиях такого рода вопросы для изучения формулируются исходя из имеющихся данных, затем проверяются во время практической работы на местах, а по завершении стадии сбора информации критически пересматриваются и совершенствуются.

Справедливости ради надо отметить, что как бы ни различались эти подходы в методологическом плане, все они основаны на понятии ценностного нейтралитета и объективности и признают возможность объективного знания о реальном мире за окном независимо от того, опирается ли это знание на субъективный опыт или нет. По мере их развития такие объективные научные находки все более расходятся с ценностными суждениями, которые, хотя и считаются крайне субъективными, тем не менее, обладают теоретико-познавательным приоритетом.

Лишь те немногие ученые, которые специализируются на общей, практической социальной теории (например, А. Керл), ставят этот подход под сомнение. В своей

работе они опираются на определение “объективности как меж-субъективного диалога, основанного на открытых предпосылках, *то есть ценностях...*” (Galtung, 1996. Р. 16; курсив. – К. Райманн). Они утверждают, что в сфере урегулирования конфликтов основное внимание исследования должно уделяться эмпирическим данным, не забывая при этом, что практика урегулирования формировалась под влиянием уже существующих теоретических концепций. Скажем, в прошлом большинство исследований, особенно в англо-американской научной среде, ограничивалось отвлеченным анализом стратегий и поведения третьих сторон и вопросами природы конфликта.

В результате этого в практике урегулирования конфликтов считалось допустимым работать над “реалиями”, подчас забывая о том, что эта практика уже стала зависимой от весьма догматичных, но не проверенных установок. Это касалось таких вопросов, как легитимность, власть и нейтральность третьих сторон, природа универсальных и групповых человеческих потребностей, дисбаланс власти между сторонами, а также успешность и беспристрастность процессов урегулирования конфликтов.

Если отводить теории роль эмпирического инструмента, то большинство теоретических и концептуальных подходов к урегулированию конфликтов превращается в подходы по решению проблем, применяемые в рамках господствующих институтов и социальных отношений (Cox, 1981. Р. 129). Подход по решению проблем уже по определению “...принимает мир таким, какой он есть, с присущими ему социальными взаимоотношениями и принципами распределения власти, а также институтами, воплощающими эти взаимоотношения и принципы” (Ibid.). Однако необходимо подчеркнуть, что это совершенно иной тип подхода к решению проблем, отличный от того, который подразумевается механизмом семинаров по решению проблем Бертэна.

Подходу по решению проблем не удалось критически осмыслить те основополагающие условия, в рамках которых он действует (особенно это касается общественного строя и статус-кво, а также гендерных проблем), равно как и поставить под вопрос свои представления об универсальности и объективности. Это помогает понять, почему среди большинства современных концептуальных и объяснительных парадигм в сфере решения проблем существует некое молчаливое согласие относительно концепций социальной справедливости и, следовательно, негативного и позитивного мира (Zartman et. al., 1996. Р. 79–98). Работа Б. Буша и Дж. Фолджера, посвященная разрешению конфликтов местного масштаба, и в частности, развитию альтернативного разрешения конфликтов в США (АРК), ставит ряд провокационных вопросов об оценке успешности урегулирования (Bush, Folger, 1994). Ученые и практики склонны называть те или иные инициативы по урегулированию конфликтов эффективными, не анализируя, что в действительности подразумевается под этим. Например, можно ли считать снижение уровня враждебности и насилия или же прекращение огня разновидностью эффективного урегулирования конфликтов?

Большинство исследований по этому вопросу страдает отсутствием открытой нормативной теоретической основы, необходимой для правильного понимания и оценки успешности урегулирования конфликтов (Kleiboer, 1996. Р. 377; 1998). Так, Расмуссен, Роухана и Ротман подчеркивают, что в большинстве случаев оценка либо проводится неправильно, либо не проводится вообще главным образом потому, что “отсутствует ясное теоретическое обоснование вмешательства” (Folger, 1999. Р. 214). Мы должны наконец раскатать лодку урегулирования конфликтов. В конце концов, что это за священные и неопределимые ценности, что лежат в основе всех теорий, но никогда не обсуждаются вслух и не подвергаются сомнению?

Хороший пример таких ценностей можно найти в вопросе о гендере. Что мы имеем в виду, когда в сфере урегулирования конфликтов говорим об индивиде?

Считаем ли мы его или ее рациональным, но в то же время способным на эмпатию и сотрудничество, гендерно-нейтральным? Помимо всего прочего, ученые заслуживают серьезной критики за подобное гендерно-нейтральное видение теории и практики урегулирования конфликтов: их рабочие гипотезы всегда считали само собой разумеющимся, что урегулирование конфликтов не оказывает особого влияния на соотношение позиций и роли женщин и мужчин в обществе, будь то во время войны или мира.

Так, в частности, и при анализе, и при урегулировании затяжных конфликтов за пределами внимания оставляют обычно женщин и мужчин, “не имеющих ценности” (“цветных”, неевропеизированных, рабочих или гомосексуалистов), вместе с их интересами, социальными потребностями, идеями и опытом (Reimann, 2001). Даже поверхностный обзор литературы показывает, что урегулирование конфликтов на концептуальном и особенно на практическом уровне остается мужским занятием. В отличие от внутрисударственного и местного уровней, на международной арене среди практиков и ученых, занимающихся урегулированием конфликтов, по-прежнему доминируют мужчины.

С точки зрения феминизма, сфера урегулирования конфликтов фактически воспроизводит и косвенно укрепляет характерные для большинства патриархальных обществ структуры власти, основанные на иерархии и доступные только избранным. Ясно, почему вмешательства третьей стороны по большей части стремятся ограничить или подавить социальные конфликты, возникающие вокруг проблем гендерного неравенства. Но тогда необходимо задать себе вопрос: не играем ли мы роль волка в овечьей шкуре? Не меняет ли урегулирование конфликтов одни символы на другие, практически поддерживая старые невидимые патриархальные принципы и методы, только в условиях нового социального порядка? В свете этих вопросов урегулирование конфликтов все больше тонет в логике и практике урегулирования, игнорируя скрытую расстановку сил (например, гендерное неравенство).

Такое положение приводит и к более серьезным вопросам. Если урегулирование конфликтов не является гендерно-нейтральным, в чем тогда заключается его глубокое понимание общественной и частной сферы? Каким должен быть гендерно-адекватный посредник или ученый? Иными словами, как практика урегулирования конфликтов определяет мужчину или женщину? Как теория интерпретирует мужественность и женственность?

Нетрудно заметить, что большинство подходов по урегулированию конфликтов опирается на довольно статичное и упрощенное понимание идентичности. Несмотря на то, что и Бертон, и Азар, и множество других ученых считали группы с общей идентичностью наиболее подходящей единицей анализа для изучения затяжных или неразрешимых социальных конфликтов, они не смогли адекватно показать и объяснить все разнообразие факторов, которые формируют и меняют идентичность. Необходимо хорошо представлять себе, что понятия мужественности и женственности и их связь с насилием или миром в ходе большинства конфликтов меняются и требуют постоянного внимания и переосмысления.

Вышеприведенные вопросы лишь подчеркивают, что именно необсуждаемые и скрытые ценности ученых-практиков задают параметры успешности в урегулировании конфликтов. Например, концепция эффективного результата в такой парадигме приобретает вид субъективной ценностной конструкции, а не объективного описания. Впрочем, назвать инициативу по урегулированию конфликтов успешной – уже само по себе ценностное суждение.

Еще неизвестно, смогут ли дискуссии по оценке воздействия на мир и конфликт (ОВМК) (см. статью М. Хоффмана в данном сборнике) предложить альтернатив-

ную концептуальную основу для систематизации и оценки успешности инициатив в сфере урегулирования конфликтов. Критики этого подхода имеют право задать вопрос, не станут ли приобретающие популярность лаконичные и аккуратные списки критериев успеха лишь жалкими каплями в пустыне отсутствия теории.

Кроме этого, вызывает сомнения способность произвольно выделенных и, с моей точки зрения, довольно статичных индикаторов конфликта помочь понять общий контекст непредсказуемых, крайне запутанных и динамичных взаимодействий, присущих большинству межгрупповых конфликтов. Как можно, например, втиснуть в категорию успеха или индикатора конфликта все те неустойчивые, меняющиеся и комплексные формы идентичности и деятельности, которые характерны для женщин?

Для большинства женщин внутрисоциальный конфликт представляет неоднозначный опыт. Иногда насильственные конфликты могут подтолкнуть освобождение и повысить самостоятельность женщин, поскольку в ситуации конфликта они обнаруживают, что могут успешно исполнять такие роли в частной и общественной жизни, которые ранее считались исключительно мужскими. Но этот опыт сопровождается глубоким опустошением, вызванным массовыми зверствами и вопиющими нарушениями прав человека, включая сексуальное насилие, изнасилования и принудительную проституцию. Поэтому при обсуждении роли женщин в насильственном конфликте необходимо постоянно помнить о сложном взаимодействии концепций уязвимости и статуса “жертвы”, с одной стороны, и самостоятельности и эмансипации – с другой, и не поддаваться соблазну поставить одну выше другой (*Reimann, 2001*).

Можно представить сценарий, при котором индикаторы конфликта были бы классифицированы, но это по-прежнему не объясняло бы динамику системного насилия в обществе, характерного для многих современных конфликтов. Какова тогда была бы политическая и этическая роль ОВМК? Похоже, большинство ее типов содержит лишь ограниченные политические и этические принципы использования своих же результатов. Это неудивительно, поскольку большинство предложенных к настоящему времени индикаторов как успеха, так и конфликта отнюдь не опирается на парадигму мирного и справедливого общества. Хотя ОВМК, безусловно, способна повысить экономическую продуктивность проектов по налаживанию сотрудничества, ее тенденция навешивать на миротворческую деятельность ярлыки успеха или провала делает ее неспособной решать этические или политические дилеммы.

Дж. Бертон был одним из немногих ученых, которые не побоялись затронуть и довольно детально обсудить недостатки того, что Р. Кокс обозначил “подходами к решению проблем” (Бертон называет их подходами к решению головоломок). Согласно Бертону, “...решение – это отнюдь не конечный продукт. Оно представляет собой ряд новых взаимосвязей, в свою очередь содержащих собственный набор проблем... [Решение] проблем часто требует нового синтеза знаний или методов, а также изменения теоретической структуры... [Система] взаимодействий должна быть открытой, т.е. ее компоненты должны взаимодействовать не только между собой... но и с более общим контекстом, который невозможно контролировать” (*Ibid.* P. 5).

В своей теоретико-нормативной критике подход Бертона опирается на критическую теорию, которая ставит под вопрос “застывшие и ограничивающие свободу формы общественной жизни”, и тем самым развенчивает традиционные подходы к решению проблем (*Devetak, 1996.* P. 148). Деветак, как и Бертен, подвергает сомнению происхождение любых институтов и социальных отношений. По аналогии с бертоновским подходом, критическая теория рассматривает возможности для прив-

несения социальных изменений, и следовательно, трансформации доминирующей социальной и политической системы (Cox, 1981. P. 129–130).

Еще один интересный вопрос состоит в том, можно ли считать семинары по решению проблем Бертона аналогом идеальной речевой ситуации Ю. Хабермаса, поскольку в последней все участники имеют равные возможности выступать и задавать вопросы. И наконец, как и Бертон, Хорхаймер подчеркивает, что знания – это не просто отражение конкретной исторической ситуации, они должны восприниматься как социальная сила, способная изменять общество (Horkheimer, 1972. P. 215).

Тем не менее вышеприведенная антипозитивистская аргументация Бертона расходуется с его в целом позитивистским подходом к научному изучению конфликта. Его работы отражают поиск неидеологической модели общественного строя, которая включала бы безоценочную концепцию объективных человеческих потребностей. Другими словами, кредо Бертона – переход от субъективности к научно обоснованной объективности (Burton, 1993. P. 57) – оказывается, по мнению некоторых исследователей, “...неуместным, потому что любой анализ социальной сферы отражает ценности тех, кто его проводит. Следовательно, в мире конкурирующих ценностей ни одна конкретная модель как таковая не имеет преимуществ. Ни одна из них не свободна от идеологии. Так как Джон Бертон стремится изменить мир, ему приходится идеологически доказывать необходимость этих изменений. Попытки облачить свои ценности в одеяние естественных наук просто ни к чему не приводят. Модель социального порядка, свободная от идеологии, – это иллюзия, и будет ошибкой апеллировать или стремиться к ней” (Little, 1984. P. 95).

5. Открытые вопросы и проблемы

Проведенный в данной статье анализ имел целью, помимо прочего, показать, что доминирующая в настоящее время англо-американская эмпирическая методология, которая сочетает научные методы с предписаниями, рассчитанными на политическую стратегию (как в случае с Бертоном и Берковичем), многое позаимствовала из общепринятых научных теорий причинности. Характерная для социальной теории пропасть между фактами и ценностями принимается как данность, даже неизбежность, и большинство исследований в сфере урегулирования конфликтов даже не пытались проверить, насколько она глубока.

Этим объясняется, почему во многих исследованиях в этой сфере преобладает дихотомический образ мышления. Мой краткий обзор литературы по урегулированию конфликтов показал, что, к сожалению, исследования слишком долго основывались на некорректных противопоставлениях: объективности и субъективности, стратегий прекращения и разрешения конфликтов, а также беспристрастности и пристрастности (Beckett, 1997).

Для сферы урегулирования конфликтов и трансформации существует реальная и насущная потребность включиться в более широкие дебаты, происходящие в социологии и политологии. Идеи феминизма, критической теории и социального конструктивизма помогут интегрировать подходы, способные навести мосты между противопоставленными образами мысли и теориями (обсуждение возможного успеха гендерно-ориентированных подходов к урегулированию конфликтов см. Reimann, 2001). Дальнейшие обсуждения как внутри, так и за пределами сферы урегулирования и трансформации конфликтов покажут, насколько дебаты в социологии и политологии начали проникать в данную сферу и предлагать новые идеи.

- Banks M., Mitchell C.R.*, 1991. *A Handbook of the Analytical Problem-solving Approach*. Fairfax; VA: Institute for Conflict Analysis and Resolution.
- Beckett G.*, 1997. *Social Theory and the Theory and Practice of Conflict Resolution // Issues in Peace Research 1997–1998 / Ed. L.-A. Broadhead*. Bradford: Department of Peace Studies / University of Bradford. P. 59–86.
- Bennett D.S.*, 1996. *Security, Bargaining and the End of Interstate Rivalry // International Studies Quarterly*. Vol. 40, № 2. P. 157–184.
- Bercovitch J.*, 1984. *Social Conflicts and Third Parties: Strategies of Conflict Resolution*. Boulder; CO: Westview.
- Bercovitch J.*, 1992. *The Structure and Diversity of Mediation in International Relations // Mediation in International Relations. Multiple Approaches to Conflict Management*. London: St. Martin's Press. P. 10–21.
- Bercovitch J.* (ed.), 1996. *Resolving International Conflicts: The Theory and Practice of Mediation*. Boulder; CO: Lynne Rienner.
- Bercovitch J., Rubin J.* (eds.), 1992. *Mediation in International Relations. Multiple Approaches to Conflict Management*. London: St. Martin's Press.
- Bercovitch J., Wells R.*, 1993. *Evaluating Mediation Strategies: A Theoretical and Empirical Analysis // Peace and Change*. № 18. P. 3–25.
- Bloomfield D.*, 1997. *Peacemaking Strategies in Northern Ireland: Building Complementarity in Conflict Management Theory*. NY: St. Martin's Press.
- Brams S.J.*, 1990. *Negotiation Games: Applying Game Theory to Bargaining and Arbitration*. NY: Routledge.
- Burton J.*, 1968. *Systems, States, Diplomacy and Rules*. Cambridge: Cambridge UP.
- Burton J.*, 1969. *Conflict and Communication: The Use of Controlled Communication in International Relations*. London: Macmillan.
- Burton J.*, 1972. *World Society*. London: Macmillan.
- Burton J.*, 1979. *Deviance, Terrorism and War: The Process of Solving Unsolved Social and Political Problems*. Oxford: Martin Robertson Press.
- Burton J.*, 1987. *Resolving Deep-Rooted Conflicts: A Handbook*. Lanham; MD: UP of America.
- Burton J.* (ed.), 1990. *Conflict: Human Needs Theory*. London: Macmillan.
- Burton J., Dukes F.* (eds.), 1990. *Conflict: Readings in Management and Resolution*. London: Macmillan.
- Burton J.*, 1993. *Conflict Resolution as Political Philosophy // Conflict Resolution Theory and Practice: Integration and Application / Eds. D.J.D. Sandole, van H. der Merwe*. Manchester; NY: Manchester UP.
- Bush B., Folger J.*, 1994. *The Promise of Mediation: Responding to Conflict Through Empowerment and Recognition*. San Francisco: Jossey-Bass.
- Clements K.*, 1998. *A Field in Tension: From Alternative Dispute Resolution to Conflict Transformation // Politics, Policy and Practice: Essays in Honour of Bill Willmott / Eds. R. du Plessis and G. Fougere*. Christchurch; New Zealand: University of Canterbury. P. 129–148.
- Corbin J.*, 1994. *The Norway Channel: The Secret Talks that Led to the Middle East Peace Accord*. NY: Atlantic Monthly Press.
- Coser L.A.*, 1956. *The Functions of Social Conflict*. NY: Free Press.
- Cox R.W.*, 1981. *Social Forces, States and World Orders: Beyond International Relations Theory // Millennium*. Vol. 10, № 2. P. 126–155.
- Cox R.W.*, 1983. *Gramsci, Hegemony, and International Relations: An Essay in Method // Millennium*. Vol. 12, № 2. P. 162–175.
- Curie A.*, 1971. *Making Peace*. London: Tavistock Publications.
- Dahrendorf R.*, 1957. *Towards a Theory of Social Conflict // Journal of Conflict Resolution*. Vol. 2, № 2. P. 170–183.
- Dahrendorf R.*, 1994. *Der moderne soziale Konflikt // Essays zur Politik der Freiheit*. Muenchen.
- Devetak R.*, 1996. *Critical Theory // Theories of International Relations / Eds. S. Burchill, A. Linklater et al*. London: Macmillan Press. P. 210–251.
- Diamond L., McDonald J.*, 1996. *Multi-Track Diplomacy: A Systems Approach to Peace*. Washington; DC: Kumarian Press.

- Fetherston A.B., Parkin A.C.*, 1997. Transforming Violent Conflict: Contributions from Social Theory // Issues in Peace Research 1997–1998 / Ed. L.-A. Broadhead. Bradford: Department of Peace Studies / University of Bradford. P. 19–57.
- Fetherston A.B.*, 2000. From Conflict Resolution to Transformative Peacebuilding: Reflections from Croatia. Working Paper 4 (April). Bradford: Centre for Conflict Resolution. Department of Peace Studies / University of Bradford.
- Fisher R., Ury W.*, 1981. Getting to Yes: How to Negotiate Without Giving In. London: Arrow Books.
- Fisher R.J.*, 1972. Third Party Consultation: A Method for the Study and Resolution of Conflict // Journal of Conflict Resolution. Vol. 16, № 1. P. 67–94.
- Fisher R.J.*, 1983. Third Party Consultation as a Method of Conflict Resolution: A Review of Studies // Journal of Conflict Resolution. Vol. 27, № 2. P. 301–334.
- Fisher R.J.*, 1997a. Interactive Conflict Resolution. Syracuse; NY: Syracuse UP.
- Fisher R.J.*, 1997b. Interactive Conflict Resolution // Peacemaking in International Conflict. Methods and Techniques / Eds. I.W. Zartman, J.L. Rasmussen. Washington; DC: United States Institute for Peace. P. 263.
- Fisher R.J., Keashly L.*, 1991. The Potential Complementarity of Mediation and Consultation within a Contingency Model of Third Party Intervention // Journal of Peace Research. Vol. 28, № 1. P. 29–42.
- Folger J.P., Jones T.S.*, 1994. New Directions in Mediation: Communication Research and Perspectives. London: Sage Publications.
- Galtung J.*, 1996. Peace by Peaceful Means: Peace and Conflict, Development and Civilization. London; Oslo: Sage Publications / PRIO.
- Ghandi M.K.*, 1938. Hind Swaraj, or Indian Home Rule. Ahmedabad: Navajivan Publishing House.
- Ghandi M.K.*, 1950. Satyagraha in South Africa. Ahmedabad: Navajivan Publishing House.
- Glasl F.*, 1982. The Process of Conflict Escalation and Roles of Third Parties // Conflict Management and Industrial Relations / Eds. G. B.J. Bomers and R.B. Peterson. Boston: The Hague; London: Kluwer / Nijhoff Publishing. P. 119–140.
- Hill B.*, 1982. An Analysis of Conflict Resolution Techniques: From Problem-Solving Workshops to Theory // Journal of Conflict Resolution. Vol. 26, № 1. P. 109–138.
- Horkheimer M.*, 1972. Critical Theory. NY: Seabury Press.
- Jabri V.*, 1990. Mediating Conflict: Decision-Making and Western Intervention in Namibia. Manchester: Manchester UP.
- Jabri V.*, 1996. Discourses on Violence: Conflict Analysis Reconsidered. Manchester: Manchester UP.
- King M.L.*, 1963. Why We Can't Wait. NY: New American Library.
- Kleiboer M.*, 1996. Understanding the Success and Failure of International Mediation // Journal of Conflict Resolution. Vol. 40, № 2. P. 360–389.
- Kleiboer M.*, 1998. Multiple Realities of International Mediation. Boulder/CO; London: Rienner.
- Lederach J.P.*, 1995. Preparing for Peace: Conflict Transformation Across Cultures. NY: Syracuse UP.
- Lederach J.P.*, 1997. Building Peace. Sustainable Reconciliation in Divided Societies. Washington; DC.: United States Institute of Peace Press.
- Lederach J.P.*, 1999. Justpeace: The Challenges of the 21st Century // People Building. Peace. № 35: Inspiring Stories from around the World / Ed. European Centre for Conflict Prevention (in co-operation with the International Fellowship of Reconciliation (IFOR) and the Coexistence Initiative of State of the World Forum). Utrecht: European Centre for Conflict Prevention. P. 27–36.
- Lewer N.*, 1999. International Non-Governmental Organisations and Peacebuilding – Perspectives from Peace Studies and Conflict Resolution. Working Paper 3 (October). Bradford: Centre for Conflict Resolution. Department of Peace Studies / University of Bradford.
- Little R.*, 1984. The Decision Maker and Social Order: The End of Ideology or the Pursuit of a Chimera? // Conflict in World Society: A New Perspective on International Relations / Ed. M. Banks. Brighton: Wheatsheaf. P. 78–95.
- McCarthy R.M., Sharp G.*, 1997. Nonviolent Action: A Research Guide. NY; London: Garland Publishing, Inc.
- Miall H.*, 1992. The Peacemakers: Peaceful Settlements of Disputes since 1945. London: Macmillan.
- Miall H., Ramsbotham O., Woodhouse T.*, 1999. Contemporary Conflict Resolution. Cambridge: Polity Press.
- Mitchell C.*, 1981. The Structure of International Conflict. London: Macmillan.

- Mitchell C.*, 1991. *Recognising Conflict // Peacemaking in a Troubled World / Ed. T. Woodhouse.* Oxford: Berg Books. P. 221.
- Mitchell C.*, 1993. *Problem-Solving Exercises and Theories // Conflict Resolution Theory and Practice: Integration and Application / Eds. D.J.D. Sandole, H. van der Merwe.* Manchester; NY: Manchester UP. P. 89–90.
- Moore C.W.*, 1986. *The Mediation Process: Practical Strategies for Resolving Conflict.* San Francisco: Jossey-Bass.
- Mott Foundation, 1999. *Reaching for Peace: Lessons Learned from Mott Foundation's Conflict Resolution Grantmaking.* Conducted by CDR Associates and the Berghof Research Centre for Constructive Conflict Management.
- Nicholson M.*, 1992. *Formal Theories in International Relations.* Cambridge: Cambridge UP.
- Prein H.*, 1994. *A Contingency Approach for Conflict Intervention // Group and Organisation Studies.* Vol. 9, № 1. P. 81–102.
- Princen T.*, 1992. *Intermediaries in International Conflict.* Princeton; NJ: Princeton UP.
- Reimann C.*, 2001. *Engendering the Field of Conflict Management: Why Gender Does Not Matter! Thoughts from a Theoretical Perspective.* Peace Studies Papers. Working Paper 2. Fourth Series. January. Bradford: Department of Peace Studies, University of Bradford.
- Ropers N.*, 1997. *Roles and Functions of Third Parties in the Constructive Management of Ethnopolitical Conflicts.* Berlin: Berghof Research Center for Constructive Conflict Management.
- Ropers N.*, 1998. *Towards a Hippocratic Oath of Conflict Management? Eight Critical Statements Relating to the Contribution of NGOs in Conflict Prevention and Conflict Transformation // Prevention and Management of Violent Conflicts. An International Directory / Ed. European Platform for Conflict Prevention and Transformation (in cooperation with PIOOM and the Berghof Research Center for Constructive Conflict Management).* Utrecht: European Platform for Conflict Prevention and Transformation. P. 27–33.
- Ropers N., Debiel T.* (eds.), 1995. *Friedliche Konfliktbearbeitung in der Staaten- und Gesellschaftswelt.* Bonn: Eine Welt. Texte der Stiftung Entwicklung und Frieden.
- Ross M.H., Rothman J.* (eds.), 1999. *Theory and Practice in Ethnic Conflict Management: Theorizing Success and Failure.* London: Macmillan Press.
- Rubin J.Z.*, 1980. *Experimental Research on Third-Party Intervention in Conflict // Psychological Bulletin.* Vol. 87, № 2. P. 379–391.
- Rubin J.Z.* (ed.), 1981. *Dynamics of Third-Party Intervention: Kissinger in the Middle East.* NY: Praeger.
- Rupensinghe K.* (ed.), 1995. *Conflict Transformation.* London: Macmillan.
- Sandole D.J.D., van der Merwe H.* (eds.), 1993. *Conflict Resolution Theory and Practice: Integration and Application.* Manchester; NY: Manchester UP.
- Scimecca J.A.*, 1993. *Theory and Alternative Dispute Resolution. A Contradiction in Terms? // Conflict Resolution Theory and Practice: Integration and Application / Eds. D.J.D. Sandole, H. van der Merwe.* Manchester; NY: Manchester UP. P. 211–221.
- Schmid H.*, 1968. *Peace Research and Politics // Journal of Peace Research.* Vol. 5, № 3. P. 217–232.
- Sharp G.*, 1973. *The Politics of Nonviolent Action.* Boston: Porter Sargent.
- Simmel G.*, 1955. *Conflict and the Web of Group Affiliations*, trans. K. Wolff and R. Bendix. NY: Free Press.
- Stedman S.J.*, 1991. *Peacemaking in Civil War: International Mediation in Zimbabwe, 1914–1980.* Boulder / CO: Lynne Rienner.
- Ury W.*, 1991. *Getting Past "No": Negotiating with Difficult People.* NY: Bantam Books.
- Wall J., Lynn A.*, 1993. *Mediation: A Current Review // Journal of Conflict Resolution.* Vol. 37, № 1. P. 60–194.
- Webb K., Koutrakou V.N., Walters M.*, 1996. *The Yugoslavian Conflict, Europe Mediation and the Contingency Model: A Critical Perspective // Resolving International Conflicts: The Theory and Practice of Mediation / Ed. J. Bercovitch.* Boulder / CO: Lynne Rienner. P. 171–189.
- Weber M.*, 1948. *The Theory of Social and Economic Organization.* Glencoe: The Free Press.
- Weiss A.*, 1999. *Rassistische Effekte unter antirassistisch engagierten MultiplikatorInnen. Zur interaktiven Reproduktion einer symbolisch vermittelten Dimension sozialer Ungleichheit // Unpublished Doctorate Dissertation.* Humboldt Universitaet zu Berlin.
- Wolfe A.W., Honggang Y.* (eds.), 1996. *Anthropological Contributions to Conflict Resolution.* London: University of Georgia Press.

- Woodhouse T.* (ed.), 1991. *Peacemaking in a Troubled World*. Oxford: Berg Books.
- Zartman I.W.*, 1985. *Ripe for Resolution: Conflict and Intervention in Africa*. NY: Oxford UP.
- Zartman I.W.*, 1987. *Positive Sum: Improving North-South Negotiations*. NY: Transaction Publishers.
- Zartman I.W.* (ed.), 1995. *Elusive Peace: Negotiating an End to Civil Wars*. Washington / DC: The Brookings Institution.
- Zartman I.W. et al*, 1996. *Negotiation as a Search for Peace // International Negotiation*. № 1. P. 79–98.
- Zartman I. W., Berman M.*, 1982. *The Practical Negotiator*. New Haven: Yale UP.
- Zartman I.W., Rasmussen J.L.* (eds.), 1997. *Peacemaking in International Conflict. Methods and Techniques*. Washington / DC: United States Institute for Peace.